

Промелькнул сентябрь, и наступила глубокая осень. Травы пожухли, листва осыпалась, а утренняя роса обратилась инеем. Полуразрушенный Лоян выглядел теперь ещё более унылым, навевая на сердце невольную печаль.

За минувшие полмесяца Цао Цао распорядился окружить Лю Се такой заботой, что император ни в чём не знал нужды. Разумеется, Мэн Дэ не забыл и о собственной выгоде. Он не только сосредоточил в своих руках военную и гражданскую власть, получив высокие титулы, но и обеспечил продвижение своим соратникам. Сюнь Юй был назначен Шичжуном и Главой императорского секретариата, братья Сяхоу получили генеральские звания, а Дун Чжао стал префектом Лояна. Этот поход уже принёс Цао Цао немало плодов, но впереди маячили перспективы куда более заманчивые.

В один из дней Цао Цао, нанеся ранний визит императору, подал прошение, в котором изложил необходимость переноса столицы в уезд Сюй. Лю Се, возведённый на престол Дун Чжао по чистой случайности, не отличался прозорливостью. Лишённый мудрых советников, он не сумел разглядеть корыстный расчёт за словами Цао Цао. Окружённый льстивыми вельможами и ежедневно принимавший знаки почтения, государь всё больше убеждался, что обрёл в лице Цао преданного слугу. Предложение было принято почти без колебаний.

Вернувшись в лагерь, Цао Цао увидел Сюнь Юя, ожидавшего у входа в шатёр. Затачив его внутрь, он велел подать горячий чай и лишь тогда заговорил:

— Холодает, Вэньжо. Что же ты стоишь на ветру? Если заболеешь, кто станет помогать мне в великих делах?

Сюнь Юй, пригубив чай, с улыбкой ответил:

— Неужели господин Цао принимает меня за хрупкую девушку, которая валится с ног от лёгкого дуновения?

— Ох и остёр же ты на язык! — Цао Цао рассмеялся, но тут же посерьёзnel. — Ты пришёл обсудить возвращение в уезд Сюй?

— Именно. Разрешил ли император?

— Да, сегодня утром.

— Это хорошие новости. Мы здесь уже полмесяца. Самое время объявить Ян Фэну, что у нас заканчивается провиант. Это прозвучит убедительно. Господин, отдавайте приказ о выступлении как можно скорее, пока ветер не переменился.

Осторожная решительность всегда была отличительной чертой Сюнь Юя. Цао Цао, вертя в руках чашку, согласно кивнул:

— Передай братьям Сяхоу и Цзыляню: пусть готовятся сопровождать императорский выезд завтра на рассвете. Мы двинемся на восток. Только не поднимайте шума. Остальные войска под началом Цзысю и Чжундэ пойдут впереди на Луян. А куда они свернут потом — к Луяну или сразу к уезду Сюю — пусть знают только они.

— Слушаюсь. Я немедленно всё подготовлю.

— Ступай, — Цао Цао проводил его взглядом, но когда Сюнь Юй уже был у выхода, окликнул:
— Вэньжо!

Тот обернулся:

— Да?

— Завтра ты отправишься вместе с отрядом Цзысю.

— Вы опасаетесь нападения на императорский кортеж?

— Да. Если случится непредвиденное, я должен быть уверен, что ты возглавишь людей и удержишь ситуацию.

Сюнь Юй медленно моргнул и опустился на колени.

— Ваше доверие — высшая награда для меня. Но я уже говорил: я буду следовать за вами до самого конца.

Цао Цао подошёл и помог ему подняться.

— Я знаю твою преданность. Но если ты хочешь быть со мной, ты должен беречь наше общее дело. Это лишь мера предосторожности, не тревожься.

Сюнь Юй помолчал и тихо ответил:

— Слушаюсь. Но и вы, господин... берегите себя.

Цао Цао кивнул и мимоходом смахнул пылинку с его плеча.

— Иди же. Пора отдавать распоряжения.

Цао Цао долго смотрел в спину уходящему Сюнь Юю. В лучах утреннего солнца вихрилась

пыль, а в шатре ещё долго стоял тонкий аромат благовоний, исходивший от широких рукавов его советника.

Если человеку не хватает прозорливости, в своих бедах он может винить только себя. Ян Фэн стал тому живым примером. Он свято верил обещаниям Цао Цао «делить жизнь и смерть», а когда пробудился от своих грёз, император был уже далеко в уезде Сюе. Многотысячному войску Ян Фэна, застрявшему в уезде Лян, оставалось лишь бессильно взирать на пустую дорогу.

Обосновавшись в новой столице, Цао Цао разместил Лю Се и чиновников в своей ставке, продолжая осыпать их почестями. Его стратегия была изящной: обеспечивая императора всем необходимым, он называл это «возвращением имущества семьи Лю», якобы дарованного его предкам прежними государями. Этот ход позволил Лю Се сохранить достоинство, не чувствуя себя должником подданного.

Вскоре растроганный император издал указ, назначив Цао Цао великим генералом и пожаловав ему титул Упин-хоу. Чин Да-цзянцзюня был высшим в государстве со времён императора У-ди, давая власть большую, чем у «трёх гуннов». Цао Цао сорвал крупный куш.

Однажды вечером Цао Цао сидел за столом, просматривая донесения. Сюнь Юй, сидевший напротив, погрузился в раздумья.

— О чём задумался так глубоко, Вэньжо? — Цао Цао откинулся на спинку стула.

— О вашем новом назначении. Чин великого генерала ставит вас выше всех, но это вряд ли заставит героев Поднебесной подчиниться.

— Один из них уже показал зубы, — холодно усмехнулся Цао Цао. — Юань Бэньчу не желает признавать моё превосходство. Я предвидел это и просил императора назначить его великим сикунгом и Е-хоу. И что же? Он не только отверг дары, но и прилюдно осыпал меня бранью перед своими подчинёнными. Рано или поздно нам предстоит с ним большая схватка.

Сюнь Юй чуть нахмурился:

— И каковы ваши планы?

— Не будем спешить, — махнул рукой Цао Цао. — Ему просто невыносимо быть вторым после меня. Что ж, я потешу его самолюбие. Я откажусь от чина великого генерала в его пользу. Пусть примет его и поймёт, что это кресло не такое уж мягкое.

Сюнь Юй улыбнулся:

— Обладай Юань Шао хотя бы половиной вашей проницательности, он не вёл бы себя так.

— Оставим его. Помоги-ка мне с планом похода на уезд Лян.

Сюнь Юй взял карту.

— Решили покончить с Ян Фэном?

— Да. Он засел в горле, как кость. Не могу быть спокоен, пока он жив.

Цао Цао ритмично застучал пальцами по столу.

— Кстати, как дела с системой военно-пахотных поселений? Чжундэ справляется?

— Проблем быть не должно. На днях пришло известие, что господин Чэн скоро вернётся с докладом.

— Вот и славно.

Цао Цао глянул в окно — ночь была глубокой.

— Уже поздно. Вэньжо, оставайся сегодня в поместье. Дел невпроворот, нечего тратить время на разъезды.

— Слушаюсь, — тихо ответил тот.

Ночь дышала прохладой. Когда Цао Ан вернулся из лагеря, поместье уже погрузилось в сон. Лишь из комнаты отца доносились приглушённые голоса.

Ан вспомнил, что после возвращения в уезд Сюй он совсем забросил домашних, пропадая в казармах. Он так и не успел толком повидаться с младшим братом. Проходя мимо комнаты Цао Пи, он с удивлением заметил свет. Приоткрыв дверь, Ан увидел Цзыхуаня — тот уснул, уткнувшись лицом в бамбуковые свитки.

Улыбнувшись, старший брат подошёл, осторожно подхватил мальчика на руки и перенёс на постель. Дети спят крепко; Цао Пи даже не шелохнулся.

Ан присел на край кровати, вглядываясь в лицо брата. Тот заметно осунулся, и сердце старшего сжалось от жалости. В неверном свете свечи эта сцена казалась воплощением мирного уюта. Поправив одеяло, Ан подошёл к столу, где только что спал брат, и взял свитки. Почти на каждом были пометки и вопросы. Старший брат снова улыбнулся.

Замешав тушь, Цао Ан взял кисть и принялся бережно исправлять ошибки в примечаниях и

писать объяснения к сложным местам. Работа затянулась до рассвета. Окончив труд, Ан потянулся, глядя на безмятежно спящего брата. На душе было светло. Он вытащил из-за пазухи маленькую деревянную шкатулку, достал из неё засушенный цветок и вложил его между страниц трактата по военному искусству вместе с короткой запиской. Погасив свечу, он бесшумно ушёл.

Когда утреннее солнце заглянуло в окно, Цао Пи открыл глаза. Одеваясь, он смутно пытался вспомнить, как оказался в постели. Посмотрел на дверь — та была заперта. Покачав головой, он позвал служанку, умылся, нанёс утренний визит родителям и после занятий наконец вернулся к своим книгам.

Открыв трактат, он замер. На странице лежал крохотный ярко-красный цветок. Под ним — клочок бумаги. Настроение Цзыхуаня, мрачное последние дни, мгновенно прояснилось, словно солнце пробилось сквозь тучи.

— «Гора Шоуян, Весна Восьмого месяца»... — прошептал он, бережно принимая сухие лепестки на ладонь. Он долго любовался подарком, боясь даже дышать, чтобы не повредить хрупкую красоту. Наконец он спрятал цветок вместе с запиской в шкатулку и с радостным сердцем принялся за учёбу.

Порой человеку нужно совсем мало для счастья. Мы и сами не знаем, что именно заставляет нашу душу петь. Можно долго жить в унынии, теряя надежду, а потом в один миг обрести её вновь — пусть крошечную, как искра. Никто не знает, властны ли мы над своими чувствами или они ведут нас за собой. Порой мы отдаём всё ради крупицы тепла, ради почти призрачной привязанности, но именно её потом вспоминаем всю жизнь.

В это время на тренировочном поле Цао Ан поднял взгляд к затянутому тучами небу. В его глазах, пронзительных и волевых, отразилась серая дымка. Он улыбался — открыто и немного горько.

Скоро зима. Кто знает, какие битвы она принесёт? Будет ли так же ярко цвести в следующем году Весна Восьмого месяца на склонах Шоуян?

Он опустил голову и прошептал:

— Что я всё об осени... Увидеть бы, как сойдёт снег весной. Это уже будет милостью судьбы.

Судьба была к нему милостива. Он увидел весну. Чтобы навсегда остаться в том втором году эры Цзяньань.